

Невозможно в юбилейном выпуске «Мономаха» обойти вниманием личность философа, преподавателя УлГУ, всеядного Сергея Борисовича Петрова. В его поле зрения попадали политики, учёные, кинематографисты, спортсмены и артисты. В период создания «Ульяновской-Симбирской энциклопедии» им было подготовлено для неё почти 100 тематических статей.

С.Б. Петров первым обратил внимание на историю музыки и музыкантов Симбирска-Ульяновска. Он находил единомышленников в среде журналистов, артистов филармонии, преподавате-

Римма Вильданова

лей музыки. С его подачи родились историко-музыкальные циклы на областном ТВ, диссертация Е. Сковиковой и книга И. Каторгиной о музыкальной жизни нашего края, фестиваль имени джазового композитора А. Варламова, филармонические циклы о симбирских поэтах в музыке, о певице И. Голодяевской, а музыкальные школы познакомились с именами В. Кашперова, Н. Степановой-Шевченко, А. Варламова. Во внушительном списке симбирских музыкальных деятелей С.Б. Петров выделял имя композитора Владимира Никитича Кашперова.

Кашперов в музыкальной культуре XIX века

Двести лет назад музыкальное искусство в России только начинало развиваться, а имена Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова ещё не были знакомы широкой публике. Шли жаркие дискуссии о том, что же такое русская музыка, и эта атмосфера подогревала желание наших композиторов создавать произведения в русском стиле. Среди множества имён, входивших в окружение выдающихся музыкантов XIX века, есть имя и нашего земляка **Владимира Никитича Кашперова** (1826–1894). В этот важный период ему посчастливилось быть в самой гуще музыкальных событий, успешно пробовать себя в композиторском и педагогическом творчестве. В этом году исполняется 130 лет со дня его кончины – эту дату нам подсказали в Майнской школе искусств имени В.Н. Кашперова, которая сама отмечает солидный – 65-летний – юбилей. Чем же интересен В.Н. Кашперов, отмеченный в Музыкальной энциклопедии как вокальный педагог, русский композитор, профессор?

Его имя не прошло мимо исследователей, в архиве Российского национального музея музыки в Москве, а также в открытых источниках отложилось достаточно материалов, часть которых мы публикуем сегодня.

Семья Кашперовых и Симбирск

Местом рождения В.Н. Кашперова является имение Чуфарово Симбирской губернии, датой рождения считается 25 августа 1826 года.

Первыми владельцами большого усадебного дома в Чуфарово и 335 крестьянских душ были помещики Куроедовы. Среди знатных гостей поместья – А.В. Суворов, который в 1774 году заезжал к другу детства Михаилу Куроедову. Гостил здесь Александр Карамзин – брат историка Н.М. Ка-

рамзина, в селе часто бывал писатель С.Т. Аксаков, описавший в книгах «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания» чуфаровскую усадьбу и её обитателей. Помещица Надежда Ивановна Куроедова-Аксакова приходилась ему двоюродной бабушкой. Сами Куроедовы были бездетны, и в 1806 году во владение имением вступил дворянин Иван Бекетов, а в 1813 году имение перешло к его дочери Любове Ивановне (1791–1830). В браке Любви Бекетовой и Никиты Кашперова (1783–1833) родились четверо

Н. Ге. Портрет В.Н. Кашперова. 1863

детей: Александр (1824), Владимир (1826), Елизавета и Лидия (?).

Отец композитора, **Никита Прохорович Кашперов**, происходил из симбирских дворян, с восьми лет был записан на военную службу в лейб-гвардии Измайловский полк. Участвовал в боях за Ганновер, в русско-шведской войне 1808–1809 годов, в Отечественной войне 1812 года, сражался при Бородино, участвовал в Заграничных походах 1813–1814 годов, в 1817 году вышел в отставку в чине подполковника. Был награждён орденами Святого Владимира 4-й степени с бан-

Неизвестный автор. Н.П. Кашперов, отец композитора.

Государственный исторический музей (Москва)

том (1812), Святой Анны 2-й степени (1813), прусским орденом Pour le Merite (1813), медалями «В память Отечественной войны 1812 года», «За взятие Парижа 9 марта 1814 года», а также золотой шпагой «За храбрость» (1807).

В 1830–1832 годах отец семейства Н.П. Кашперов был уездным предводителем дворянства Симбирского уезда. Но семья рано осиротела. В 1830 году умерла Любовь Ивановна, а через три года скончался и Никита Прохорович. Дети Кашперовых остались круглыми сиротами. В 14-летнем возрасте Владимир был определён в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Четыре года он обучался в Санкт-Петербурге. По завершении военного образования в 1844 году Владимир в звании унтер-офицера начал службу в лейб-гвардии Драгунском полку, но уже в 1845 году вышел в отставку и возвратился в Симбирск. Причиной ухода с военной службы стало увлечение музыкой, полностью захватившее молодого человека. Он начал пробовать себя в композиции, пении, игре на фортепиано, сочинении романсов. Вскоре ненадолго уехал за границу для изучения музыкальной теории. В 1848 году Владимир Кашперов возвратился в

Чуфарово и получил место чиновника особых поручений при симбирском губернаторе Н.М. Булдакове. Зимние месяцы Владимир Никитич проводил в Санкт-Петербурге в занятиях музыкой, остальное время – в отцовском имении, занимаясь хозяйством. С началом Крымской войны (1853–1856) Владимир Кашперов был отправлен на фронт командовать ротой Симбирского ополчения.

В августе 1856 года Владимир Никитич женился на Аделаиде Николаевне Бекетовой.

Кашперов и Огарёв

В симбирский период жизни В.Н. Кашперов поддерживал тесные связи с семьёй Николая Платоновича Огарёва, неоднократно приезжал в Проломиху, на Тальскую писчебумажную фабрику в Карсунский уезд, которую поэт приобрёл в 1848 году. Эта дружба объединила талантливых людей на многие годы. Огарёв горячо интересовался сочинениями Кашперова, а тот перекладывал его стихотворения на музыку. Таковы, например, «Дорожная песня», сочинённая в начальный период знакомства с поэтом, и «Сон девушки». Особенной популярностью пользовались романсы «Первая любовь», «Серенада», «Много грусти». В 1857 году Кашперов написал романс на стихи Лермонтова «Русалка» и по-

святил его возлюбленной поэта Н.А. Тучковой-Огарёвой.

Учитывая романтическую настроенность друга, Н. Огарёв подсказал ему сюжет для первой оперы – пушкинских «Цыган» – и сам взялся написать либретто. Этот творческий контакт оказался полезным для Кашперова. Опера «Цыгане» была начата в Симбирске в 1850 году, но прервана уходом на Крымскую войну. «Цыгане» оставались незаконченной оперой до сентября 1855 года, хотя некоторые части всё же были исполнены в Петербурге. Эта работа была встречена сочувственным вниманием самого М.И. Глинки. Знаменитый композитор даже пригласил Кашперова к себе в Берлин, желая помочь ему усовершенствоваться в музыкальном мастерстве. Тем не менее опера «Цыгане» никогда не была поставлена целиком и рукопись ее не сохранилась.

Взгляды Н.П. Огарёва и А.И. Герцена во многом способствовали развитию русской фольклористики. Огарёв постоянно направлял внимание Кашперова на русские сюжеты. «Кашперов просит у меня либретто русское, – писал Огарёв П.В. Анненкову в 1858 году. – Намекни мне хотя на какой-нибудь эпизод из русской истории или на легенду, из чего можно бы составить либретто не нелепое. А хотел бы я потрудиться для Кашперова потому, что хочется что-нибудь русское в музыке, не так, как было доселе. Я думаю, что не нужно в музыке брать один народный песенный мотив; он по натуре своей для целой оперы длинен и скучен. Я хочу только склад русский».

Под воздействием поэта Кашперов, проживая впоследствии в Италии, обратился к родным темам: начал писать музыку к новым пьесам А.Н. Островского «Гроза» (1860) и «Воевода» (1865). Сам Н.П. Огарёв, продолжая гражданскую тематику, намеревался издавать сборники революционных песен с фортепианным сопровождением, которые должны были отвечать духу и складу русской песни. В эту работу он попытался вовлечь Кашперова: «Теперь вам скажу о музыкальных вещи-

Н.П. Огарёв – русский поэт, революционер-демократ

цах: если кто к вам явится от моего имени для подбора народных напевов на слова новые и написания аккомпанементов для издания, то вы возьмитесь за этот труд с преданностью к делу, только в народном духе».

Кашперов поддерживал дружбу с близкими по духу людьми на протяжении всей жизни. Так было и с Огарёвым, о чём говорит их многолетняя переписка: «Ваша личность и ваши отношения ко мне составляют одну из самых светлых сторон моей жизни... Искреннее спасибо вам за умные и правдивые замечания относительно русской оперы – я их не забуду».

Кашперов и Глинка

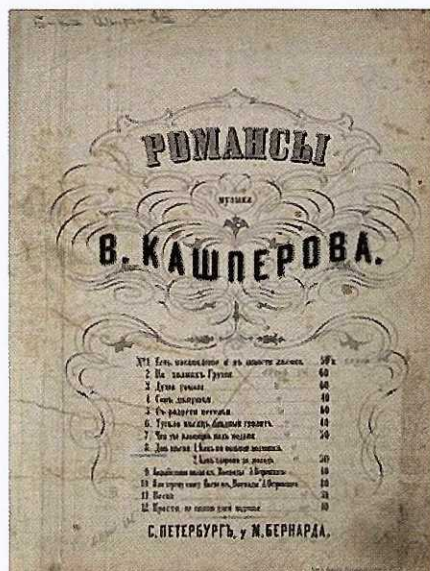
В.Н. Кашперов познакомился с М.И. Глинкой в 1849 году. После ухода композитора из жизни он написал, что автор «Жизни за царя» относился к нему «чрезвычайно симпатично и вскоре прозвал меня *figlio carissimo* (дорогой сынок) и так и называл меня до своей смерти. Говоря о Глинке, нельзя не вспомнить о том, с каким интересом и сочувствием относился он ко всякому мало-мальски серьёзному начинанию в музыке у русских. Когда я ему показывал мою первую оперу «Цыгане», ему понравились два номера, и он тотчас, обратившись ко мне, заключил так: «я почту за наслаждение и за нравственную обязанность закончить ваше музыкальное образование». В разговорах о ком-либо из музыкантов, русских или иностранных, у него никогда не проскальзывало и тени зависти. Кто знал его коротко, тот заметил, что преобладающие стороны его личности были нежность, детская наивность, добродушная веселость, соединенная с легким оттенком юмора».

Сразу после свадьбы в 1856 году Владимир Никитич и Аделаида Николаевна отправились к М.И. Глинке в Берлин за уроками музыки. Кашперовы быстро подружились с композитором и уже не разлучались с ним. Аделаида Николаевна обладала приятным сопрано и упоминается как «ученица Глинки», для неё Михаил Иванович даже написал

Аделаида Николаевна Кашперова с детьми

«Школу пения». Кашперовы провели за границей почти 10 лет, побывали во многих городах Европы. После возвращения на родину В.Ф. Одоевский попросил Кашперова написать «Воспоминания о М.И. Глинке», которые были опубликованы в «Русском архиве» в 1869 году. В частности, Кашперов отмечал, «со мною Глинка не раз беседовал как вдохновенный музыкант и не раз брал у меня перо из рук и поправлял мою работу. Так помню, я был им послан к Фрокну в Петербург для напечатания моего романа на слова Баратын-

Ноты романсов Кашперова

ского «Очарование красоты в тебе не страшно нам» с двумя окончаниями: одно его, другое моё. Он хотел, чтобы я с его слов записал характеристику оркестра вообще и каждого инструмента порознь. Она сохранилась у меня как дорогое воспоминание...»

С горечью Кашперов размышлял о причинах плохого настроения великого композитора в последнее время жизни: «Он часто говаривал у нас в доме, когда мы жили в Берлине в 1856 году: *‘J’ai toujours été maltraité moralement’* («Со мною всегда жестоко обращались в смысле нравственном»)». Это был последний год жизни маэстро, 15 февраля 1857 года Глинка скончался, как считается, на руках Кашперова. Владимир Никитич был единственным из русских, кто находился в Берлине рядом с ним и провожал его в последний путь.

Вскоре Кашперовы поселились в Италии, где в течение нескольких лет Владимир Никитич изучал вокальное искусство. В 1864 году он, чтобы почтить память о композиторе, выписал несколько партитур Глинки для организации концерта. Он передал «Арагонскую хоту» и «Мадридскую ночь» в лучшее симфоническое общество в Милане. Исполнение было так верно и хорошо, что энтузиазму Кашперова не было границ, ему привелось быть свидетелем громадного успеха симфонических произведений М.И. Глинки. На следующий день несколько газет заявили о желании публики услышать ещё раз это исполнение.

Сам же Кашперов, вдохновившись итальянской вокальной школой, решил попробовать себя в операх в итальянском стиле, которые ему вполне удались. Первая из них, под названием «Мария Тюдор», с успехом была поставлена в декабре 1859 года в Милане. Затем в 1863 году во Флоренции была поставлена опера «Кола ди Риенци» (написанная на либретто одноименной оперы Р. Вагнера), а в Венеции – опера «Консуэло» по роману Ж. Санд. Первый акт из «Консуэло» с участием итальянских певцов исполнялся также в С-Петербурге, и для его под-

готовки Кашперов в 1865 году почти полгода провел в России. Вскоре он получил приглашение от Николая Рубинштейна на работу в качестве профессора пения в открывающуюся Московскую консерваторию. Размышляя о приглашении, Кашперов делился с Огарёвым: «И денег-то у меня нет, да и некогда – зовут на работу, а без работы жить не могу, да и детей пустишь по миру. Вы были правы, что надо писать русскую оперу; нечего наполнять итальянские репертуары. Теперь это приводится в исполнение. Вероятно, около 25-го сентября придется отправиться в Россию и тотчас за работу... Одно утешительно, что отправляюсь я на работу народную, для родного края...»

Кашперов и Тургенев

К числу добрых знакомых Кашперовых принадлежал И.С. Тургенев, с которым они познакомились в Париже в декабре 1856 года по рекомендации Огарёва и Герцена. «Любезный Тургенев, – писал Н.П. Огарёв, – вот вам Кашперов, которого вы, кажется, уже знаете, и Грибовский, которого узнаете; это одна из милых, светлых личностей, возбуждающих симпатию. Оба наши симбиряки, с которыми мы давно близки. Познакомьте непременно Кашперова с М^{ме} Viardot (мадам Виардо). Он компонист, и компонист с талантом. Постарайтесь уговорить М^{ме} Viardot спеть одну его арию из оперы, к которой я составлял либретто из пушкинских «Цыган» – «Он взглянул на меня» – эта ария меня приводит в восторг, говорю совершенно откровенно и сознательно. Впрочем, послушайте и судите. Также и другие вещи заставьте его спеть, он передает их достаточно хорошо для уразумения». Вскоре Тургенев отвечал: «Спасибо тебе за знакомство с Кашперовым и Грибовским – они оба, кажется, очень хорошие ребята. Кашперова (который вчера уже уехал) я сводил к г-же Виардо – и он играл ей и пел свою музыку. Он остался доволен ею и её советами, хотя больших похвал от неё не слышал. Что касается соб-

В.Н. Кашперов в Ницце

ственно до меня, то я думаю, что у него талант есть...»

Спустя несколько недель Тургенев навестил больного М.И. Глинку в Берлине и там вновь увиделся с Кашперовым. Тон их дальнейшей переписки позволяет говорить о дружеских отношениях. Кашперов, как с близким человеком, делился впечатлениями о последних днях композитора: «На похоронах М.И. Глинки присутствовали лишь Дж. Мейербер, З. Ден и В. Кашперов. В тот день, когда мы его хоронили, солнце по-весеннему жарко горело над нами и оживающая природа грела душу. Оживленный разговор в карете с русским образованным священником Соболенским сократил нам путь самым приятным образом. Переговорив о достоинствах человека, священник принял за службу, а Глинка, весь успокоенный свежими цветами, опускался в землю... Мир праху его!» И далее: «Возьмём хоть последнее время его жизни. Надо Вам сказать, что он сохранил сознание, за исключением промежутка нескольких часов, до последнего издыхания. Три дня до смерти он мне продиктовал какую-то тему для фуги и просил меня сделать её прологом и окончить. К вечеру сам же он заговорил о вечности и сам же прибавил: «впрочем, всё это вздор,

я в вечность не верю». Что же до меня, то я по русской пословице «взялся за гуж, так не говори, что не дюж» – тяну. Семейная жизнь смягчает мне грубое и отчасти загробное существование немцев. Теперь же я занят кроме фуги ещё и оркестром».

И.С. Тургенев следил за творчеством Кашперова и радовался его новым работам. В 1860 году в русской прессе он поместил следующую рецензию: «Г-н Кашперов написал оперу «Мария Тюдор», данную в Милане. Успех был – если судить по единодушным отзывам итальянских журналов – чрезвычайный: молодого маэстро сравнивают с величайшими светилами музыкального искусства. «Г-н Кашперов, – говорит один из итальянских журналов, – может по справедливости гордиться перед своими соотечественниками тем, что он первый сорвал заслуженный лавр на итальянской земле, этой родине всего прекрасного». Г-н Кашперов находится теперь в Ницце, где он ставит свою оперу. До сих пор Кашперов был известен в музыкальном мире своими мелодическими романами; приветствуем его при вступлении на более обширное поприще и желаем ему всевозможных успехов».

И.С. Тургенев не раз встречался с В.Н. Кашперовым и его супругой Аделаидой Николаевной, очаровательной хозяйкой, умнейшей женщиной и тонким художественным критиком, к словам которой прислушивались. Дом Кашперовых был полон детских голосов. Владимир Никитич много времени проводил с детьми, их семью с уверенностью можно назвать счастливой. С женой они были единомышленниками, любили приглашать к себе друзей, и постепенно их дом превратился в литературный салон. В 1870-е это был один из маленьких домов у Арбатских ворот, в Калашном переулке, куда любили заглянуть на огонёк и где хозяева встречали гостей с сердечным радушием.

Римма Вильданова

Продолжение читайте
в следующем номере.